

Знамя юности. — Беларусь. — 1972. — 30.01.92.

Рид ТАЛИПОВ:

«АБСУРД ДЛЯ МЕНЯ — ЭТО ВЫСШАЯ ПРАВДА»

На экране телевизора политики и дипломаты обмениваются дежурными улыбками. Где-то в полесской глубинке вчерашняя выпускница педвуза пытается убедить учеников в своем полном всезнании. В столичном гастрономе, в очереди за колбасой, кипят почти шекспировские страсти. «Весь мир — театр, и люди в нем...»

Стоп. Об этом, наверное, лучше порассуждать профессионалу. Рид Сергеевич Талипов, художественный руководитель и режиссер-постановщик известного не только в Беларуси театра-студии, — вот тот человек, который нам нужен. В его постановках (вы должны помнить — «Стрип-тиз», «Картотека», «Яма» — сталкиваются человеческие переживания и философские идеи. Его спектакль по пьесе Ж. Жене «Служанки», поставленный на сцене одного из австрийских театров, тамошняя критика назвала главным событием театрального сезона. И главное — на его спектакли постоянно идет публика, ему пишут письма зрители, чувствуя в нем мудрого собеседника. Так что и нам не грех присоединить свои вопросы к тем, что уже были заданы Р. С. Талипову...

— Рид Сергеевич, после выхода в свет первой части романа А. Кабакова «Сочинитель» и последовавшего за этим путча мы убедились: жизнь часто строится по-писаному. Кому-то запомнился и роман В. Пьеуха «Новая московская философия», «теоретически» обосновавший это положение. А вам, с вашей театральной «колокольни», наверное, видно, что жизнь часто воспроизводит и законы театра, подхватывает театральные находки!

— Конечно, ведь есть режиссеры, к сожалению, талантливее, чем мы, такие главные режиссеры государства; есть главные драматурги — и они пишут и прекрасно исполняют свои сочинения, даже лучше, чем мы. Но есть и жизнь, которая все равно диктует свои законы и не всегда подчиняется навязываемой ей схеме.

Театр и жизнь не могут быть не связаны. Когда говорят режиссеру (или художнику, литератору), что у него несвоевременные, неактуальные произведения, — я этого не понимаю. Ну как может быть произведение несвоевременным, если я живу сегодня, ощущаю сегодняшнее время, если я продукт своего времени! И поэтому ответ на ваш вопрос наверняка прорисовывается в моих спектаклях. Тот же «Стрип-тиз» — прямо какая-то нестареющая работа, зрители постоянно находят в ней отзвук сегодняшнего дня. Посмотрят спектакль и говорят: да как же нас раздели, как нами легко командовать...

Но я ведь не политик, и было бы смешно, если бы я вдруг заговорил о политике. Моя политика — это человек со своими чувствами, своим миропониманием. Человек чувственно не меняется. Он есть, пока может любить и ненавидеть, пока он чувствует. Мера чувственности определяет человека — все равно, «вверху» он или «внизу». И, кстати, мера чувственности, чувствительности и есть искусство. Ведь это не театр, когда кто-то выходит на сцену и говорит: вот, у нас водки нет. Хотя это тоже своего рода политика. Но такой политикой должна заниматься культура, а не искусство. Культура массовая, искусство элитарно. Искусство не может угодиться за такой актуальностью.

— И все же — приходят ли политики на ваши спектакли?

— Нет. Скорее, те, кто возле политики. Ведь есть люди, которые стали проигранными пластинками в своей работе, не состоялись как художники. Очень часто такие люди занимаются политикой возле политиков. Такая социальная активность не всегда искренна. Раньше эти люди говорили: мы бы поставили грандиозный спектакль, мы бы написали, мы бы нарисовали — если бы нам разрешили. Теперь вроде бы «разрешили» — но где сегодня откровения в искусстве? Их нет.

— А вам лично не мешает свобода?

— Смотря как понимать свободу. Ведь, что бы ни говорили, в диалектике есть свой смысл. В частности, золотой закон — единства и борьбы противоположностей. Вся наша 70-летняя история сопротивлялась этому закону, мы хотели, чтоб было только белое — но если есть белое, рядом должно быть и черное. Сегодня то же: свобода есть в каком-то смысле несвобода, не обязательно вне меня. Есть вещи, которые я не делаю, потому что из своего опыта знаю: их делать не надо. И есть вещи, которые я не могу делать просто генетически. Все это создает рамки для того, чтобы свобода не превратилась в анархию. Вот мое отношение к сегодняшней свободе: чтобы ветка выпустила почки, а почки стали листьями, должна, конечно, наступить весна. Но и ветка должна быть готова распусться — иначе сколько весен ни пройди, она останется сухой.

— Какие новые требования предъявляет сегодняшняя жизнь актерам, режиссерам — людям театра?

— Сегодня художнику очень трудно просто выжить и заявить о себе. Идет большой поток информации «оттуда»: видеопродукция, киноискусство — мы больше знаем. Естественно, возрастают и требования к мастерству. Возможно, вы хотели слышать от меня: необходима политическая активность. Но беда в том, что политически активными делаются те актеры, которые чаще всего не состоялись в театре. Что касается требований к режиссуре, то здесь точнее всего я могу говорить о себе. Искусство для меня — это, прежде всего, крепкая концептуальная платформа. Я не хочу сказать, идея — именно концепция: в моей работе должен быть четко виден художник, его мироотношение. Отсюда идет современность, актуальность — та политика, о которой мы говорили. Следующая платформа — это эстетика, которая так или иначе выражает красоту. И доброта. Я говорю иначе: даете создать на сцене мир, где возникла бы положительная аура, и эта аура заражала бы зал. Ведь даже если мы будем делать спектакль и ру-

гаться между собой — такая аура и останется. Сегодня мы — не только люди театра — должны быть особенно доброжелательны друг к другу: уж больно сложно жить. Мы проходим испытание на человечность: частенько нас унижают, что если и друг друга будем унижать, то станем очень несчастными и одинокими.

— Говорили: хорошо было бы, если бы миром управляли философы, хорошо, если бы миром управляли поэты. А если бы миром управляли профессиональные режиссеры!

— Я думаю, миром не может управлять режиссер. Я против дилетантизма. Каждый должен заниматься своим делом. И в тоже время я знаю, что, скажем, Древней Грецией всегда управляли поэты — даже полководец должен был быть поэтом. Не говорю, что это нужно переносить на день сегодняшний — просто рассказываю то, что когда-то читал. А вообще наша беда в том, что нами управ-

ют дилетанты. Это самое страшное. Вернее, управляли прежде, потому что о сегодняшнем дне можно будет говорить лишь завтра.

— Как вы оцениваете театральные — актерские, режиссерские — качества сегодняшних реальных политиков?

— У меня такое ощущение, что многие специально занимаются актерским мастерством. Ведь в настоящем театре должны очень убедительно обмануть зрителя — в хорошем смысле обмануть — чтобы он поверил в то, что ему говорят со сцены. Многие политики справляются с этим на зависть работающим в театре.

А вот режиссура еще не на такой высоте. Одно разваливается, другое разваливается... Мы находимся в состоянии карнавала: лублика, артисты, клоуны — одни и те же лица. И этот карнавал — на нашем уровне восприятия — трагичен. Мы еще не видели хорошо поставленного спектакля.

— Если продолжать театральные аналогии, представление какого театра разворачивается перед нами: то ли это театр переживания, то ли театр абсурда?

— Если я скажу, что это театр абсурда — на бытовом уровне многие согласятся. Но абсурд для меня — это суперреализм, высшая правда.

Мне кажется, что, скорее всего, это театр представления, где форма преобладает над сутью, сосуд интереснее, чем его содержимое. Мы говорим о какой-то атрибутике, атрибутике, атрибутике... Впрочем, и это — абсурд. Определить наше состояние как театр абсурда будет понятнее, поскольку у философов есть понятие абсурда, у того же Камю, у других философов этого направления. Для меня давно жизнь — абсурд. Но сегодня, как никогда: мы строим себе иллюзии, они разбиваются, мы снова строим иллюзии — это и есть абсурд.

— А пьеса, которую мы играем, — это трагедия, фарс, комедия, драма?

— Если смотреть на уровне наших глаз, то это, конечно, трагедия. Если подняться очень высоко и посмотреть как бы сверху, то увидим, наверное, парадоксальную трагикомедию.

— А может ли режиссер еще изменить течение спектакля?

— Режиссер всегда может изменить течение спектакля — если, конечно, понимает пьесу и понимает, в какую сторону менять. Ведь любой спектакль подчиняется конкретной цели, сверхзадаче. Сошлюсь на К. С. Станиславского: если режиссер знает сверхзадачу, а потом сверхсверхзадачу, а потом еще и сверхсверхсверхзадачу, то он может творить, может изменять что угодно. А если не знает — конечно, нет. Просто режиссер должен быть талантливым.

— Что же делать публике!

— Создавать свой мир. Учиться быть терпимее друг к другу. И надеяться, что нас спасет красота.

Беседовала Марина КУНОВСКАЯ.
НА СНИМКАХ: сцена из спектакля «Яма»; Р. С. ТАЛИПОВ.